

УДК 930.85(908)

Панин А.С.¹

**ГОРОДСКИЕ ЦЕРКОВНЫЕ КЛАДБИЩА ТУЛЫ И
КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

Тульский историко-архитектурный музей

Panin A.S.

CHURCHYARD TULA AND THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE

Tula Historical and Architectural Museum

Аннотация. Автор рассматривает городские церковные кладбища Тулы как важные элементы города, повлиявшие на его архитектуру, пространственную структуру и бытовую культуру. Церковные приходские кладбища Тулы даже после своего исчезновения дополняют наши представления об истории и культуре прошлого. Их бытование наиболее полно проявилось в культуре повседневности.

Ключевые слова: городские церковные кладбища, элемент города, городская история, культура повседневности.

Abstract: The author considers the city of Tula in the churchyard as important elements of the city that influenced its architecture, spatial structure and everyday culture. Church parish cemetery of Tula, even after his disappearance complement our understanding of the history and culture of the past. Their existence is most fully manifested in everyday culture.

Key words: Churchyard (City church cemetery), a city element, urban history, culture of everyday life.

По словам известного исследователя русской литературы и искусства Дмитрия Лихачёва (1906—1999) «кладбище, это элемент города, своеобразная и очень ценная часть городской архитектуры» [1, с. 21]. Как только в XVI веке на берегу реки Упы строится «град камен» Тула в его центре под защитой стен появляется храм, а рядом с ним — кладбище. Сто лет спустя, в 1658 году главное тульское церковное кладбище по-прежнему действующее, хотя и требует расширения (Потапов Л.А., Енишерлов М.В. Проект зон ох-

¹ Панин Алексей Станиславович — канд. ист. наук, зав. отделом Тульского историко-архитектурного музея.

раны г. Тулы...). Исчезнувшая и выявленная уже в наше время, эта своеобразная часть города позволила лучше представить местоположение несохранившегося кремлёвского собора XVII века, на месте которого в ходе археологических работ 1979—1980 годов были открыты два кирпичных сводчатых склепа [2].

Кладбище для Средневековья было таким же значимым местом, как и церковь, — да собственно они и располагались рядом, за одной оградой. «Все городские захоронения располагаются на территориях, прилегающих к культовым постройкам или непосредственно в них, так как главное условие христианского обряда — его совершение на освященной церковью земле» [3, с. 26]. По мере роста города и строительства церквей в разных концах Тулы каждый приход обзаводится собственным кладбищем. В XVII веке в городе было не менее 19 церквей, не считая храмов Предтечева монастыря и кремля (Потапов Л.А., Енишерлов М.В. Проект зон охраны г. Тулы... Л. 79). К исходу XIX столетия в Туле уже 26 приходских церквей (в том числе и кладбищенские) [4, с. 13]. Хотя к этому времени кладбища могли размещаться только за чертой города, прежние приходские погосты, также как и новые городские, остаются значимыми элементами Тулы, влияя на её архитектуру, пространственную структуру и бытовую культуру.

«Изучение города предполагает анализ его роста, отнесение отдельных частей к определённым периодам, установление того, что внёс существенного каждый из них, как изменялся городской ландшафт и каковы отличительные черты пространственной структуры ландшафтов, отражающие прожитые периоды» [5, с. 75]. При изучении города следует обратить внимание и на такую «городскую часть» как кладбища «дающие разнообразный материал для изучений некоторых явлений культуры и социального быта...» [6, с. 3]. Таким образом, история городских церковных кладбищ Тулы становится существенной для лучшего понимания истории самого города.

Большая часть тульских храмов стоит на месте более древних церквей. «Многочисленные церкви Тулы являлись не только местом молитвы наших благочестивых предков, но и своего рода историческими вехами — ориентирами всей культурно-исторической жизни города» [7, с. 9]. Церкви определяли городскую планировку, на них ориентировались улицы, и даже центром Тулы воспринимался не кремль, но, прежде всего, кафедральный собор. «Площадь, на которой стоит собор, ограждена четверугольной каменной зубчатой стеною, или кремлём...» [8, с. 1]. Строительство этого стоящего по сию пору каменного собора началось 7 мая 1762 года. Первоначально главный храм города был деревянным на каменном фундаменте «о трёх верхах во имя собор архистратига Гавриил-

ла» (Потапов Л.А., Енишерлов М.В. Проект зон охраны г. Тулы... Л. 78). Вероятно, в близости от него размещалась тёплая Успенская церковь, позже, в 1645 году, скорее всего на том же месте был построен каменный пятиглавый собор (Потапов Л.А., Енишерлов М.В. Проект зон охраны г. Тулы... Л. 78). Уже через сто лет его было решено разобрать и взамен него в кремле возвели новый Успенский собор, сохранившийся до наших дней.

С самого начала храм использовался для погребений. Обнаруженные при археологических раскопках кирпичные сводчатые склепы были частью каменного Успенского собора середины XVII столетия. «В одном из них в истлевшем деревянном гробовище было обнаружено мужское погребение... с бронзовым крестом-тельником конца XVII века» [2]. В современном Свято-Успенском соборе Тульского кремля на стене храма «внизу против столба от западной двери направо» текст в картуше сообщает о том, что «против сей надписи прямо положены усопшие рабы Божия дети Полковника Егора Скобельцына...» [9, с. 44]. Надгробные памятники в стенах храмов по терминологии известного российского археолога и историка искусства Беляева Л.А. можно обозначить как «плитки-таблицы, врезанные в стену...», они «получают особое распространение в самом конце средневековья, в XVI—XVII вв.» [10, с. 26]. В точном значении слова надпись, отмечающая погребение детей полковника Скобельцына, не образует самостоятельного надгробия. Но и её можно считать частью надгробного памятника в силу размещения «над могилой с целью маркировать место погребения, закрепить память о нём...» [10, с. 26].

В храмах хоронили и после вынесения городских кладбищ за черту города в XVIII веке. Так, известны два подобных захоронения в тульском храме во имя Всех Святых, первоначально кладбищенской церкви. В алтарной части храма погребён «сего места строитель» тульский купец Герасим Стефанович Сушкин, а «в приделе Прав[едного] Лазаря, на западной стороне» погребён другой тульский купец, Герасим Фёдорович Шильников, бывший церковным старостой и прослуживший «в этой должности с пользою для церкви 40 лет» [11, с. 417]. В кладбищенской церкви во имя Великомученика Димитрия Солунского в приделе Святых Апостолов Петра и Павла был захоронен «артиллерии полковник» Пётр Потапов, служивший при Тульском оружейном заводе «помощником командира по хозяйственной части» [11, с. 420]. В Успенском соборе Тульского кремля, кроме упоминавшегося захоронения воеводских детей, также погребён архиепископ Никандр (Покровский, умер в 1893 г.), управлявший Тульской епархией более 30 лет. «Надгробие выполнено из белого мрамора, высотой более 2-х метров. Имитирует плоскость фасада часовни. На старом фото видны надгробные иконы...» [12, с. 135]. Захоронения в

храмах считались почётными вплоть до Октябрьской революции 1917 года, поставившей под вопрос само существование православных храмов.

Использование церкви для погребений превращает её в подобие архитектурного надгробия, хотя в строгом смысле слова в качестве надгробных памятников следует рассматривать храмовые постройки, «возведённые специально для захоронения жертвователя, его семьи и других лиц» [10, с. 27]. Становящаяся памятником погребённым или использовавшаяся для поминальных молитв, так или иначе, фактически каждая церковь в средневековом городе размещалась «на погосте».

До начала Нового времени русские города имеют двухчастную планировочную структуру [13, с. 118]. За пределами Тульского кремля размещался посад. «В «Деревянном городе» в XVII веке стояло не менее 12 храмов, большей частью деревянных, на месте которых в последующие века были построены каменные храмы» [7, с. 59]. Только в западной части посада в соответствии с писцовой книгой 1587—1589 гг. находилось 4 церкви (3 из них помимо холодного имели также и тёплые храмы) (Потапов Л.А., Енишерлов М.В. Проект зон охраны г. Тулы...).

По списку «с писцовых книг» 7195 (1687) года на Ильинской улице Тулы «между городовыми Пятницкими и Ильинскими воротами» находилась Благовещенская церковь. Являющаяся одной из самых старых церквей Тулы, первоначально эта церковь была деревянной «с трапезою об одном верху». Каменная церковь построена «в лето 7200 (1692) года, при державе благочестивейших царей и великих князей» Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, о чём сохранилось «краткое сказание» на стене паперти [14, с. 240, 241]. Церковь строилась «на келейные деньги» иеромонаха Феодосия ради поминовения по родителям «и по подружии своей» Екатерине. «Троицкого Астраханского монастыря строитель иеромонах Феодосий», до своего пострига Феофилакт Федоров, служил в Благовещенской церкви и, насколько позволяет судить текст на каменной доске в северной стене храма, похоронен здесь же, на церковном кладбище, рядом с церковью или под её стеной. Две сохранившиеся белокаменные надгробные доски Благовещенской церкви («плитки-таблицы») являются ярким примером русского позднесредневекового надгробия и самыми древними надгробиями Тулы.

Само церковное кладбище простиралось «на восток алтаря до кружечного двора, 7 сажень с полусаженью, от трапезных двери... на запад до тупичка 7 сажень без четверти а тупичка поперёк 2 саж[ени], на правой стороне от церковной стены до богоделенского двора 8 саж[ени]. Без четырёх вершков, на левую сторону к Ильинской улицы до надолб 4

сажени» [14, с. 239]. Исходя из того, что сажень — мера длины, равная трём аршинам (2,13 м.), можно приблизительно определить размеры Благовещенского погоста. Если площадь церковного двора в целом будет примерно 1 590 квадратных метров, то с учётом размеров храма площадь кладбища составит около 1 460 квадратных метров.

Несмотря на приблизительность подсчётов, показательно уже то, что одно из приходских кладбищ в средневековой Туле оказывается большим, чем некоторые городские дворы. «В конце XVII века отдельные дворы имели по улице ширину не более 4 метров, а на некоторые участки можно было проехать только через соседние дворы» (Потапов Л.А., Енишерлов М.В. Проект зон охраны г. Тулы... Л. 38). Более точное представление о приходском кладбище можно получить из описания Покровской церкви.

В 1685 году у расположенной к западу от кремля, каменной, «о трёх верхах», церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы приходское кладбище «на восток от алтаря до Никольской улицы 2 саж[ени] без полчетверти; от паперти на запад до двора попа Никифора 7 саж[ени] без четверти, на правой, до проезду через монастырь и святых ворот на Ильинскую улицу, 2 саж[ени] а за проездом кладбища ж... 5 саж[ени] с полусаженью,... а ... на Никольскую ж улицу святые ворота рубленные с кровлею... на воротах деисус...» [15, с. 257—259]. Таким образом, в XVII веке церковный двор возле Покровского храма представлял собой участок размером приблизительно 1 326 квадратных метров, из них на долю кладбища (учитывая размеры храма) приходилось примерно 972 квадратных метра. При этом, по предположению преподавателя Тульской семинарии, церковного историка П.И. Малицкого (1851—1919), приход этой церкви, возник еще в XVI веке, при стоявшей здесь церкви во имя великомученицы Параскевы Пятницы. В XVII столетии возле «святых ворот» стояла часовня, «а в ней образ Покрова Пр[есвятой] Богородицы и иных святых, писаны на красках» [15, с. 258]. Она несколько раз перестраивалась, в 1808 году на новом месте — ближе к Пятницкой улице. Теперь уже на улице Metallistov часовня стоит и сегодня, фактически обозначая вход на церковное кладбище.

Это кладбище было обнаружено в годы массовыхстроек первых пятилеток в числе других трёх «древних кладбищ» в центре города: «около церковей Георгия (ул. Ленина) и Покровской (ул. Metallistov) и на территории фабрики «ВЗОК»...» [16, с. 42]. О древности Покровского кладбища свидетельствовал тот факт, что обнаруженные здесь захоронения «почти исключительно в долбленных гробах-колодах». «Характерна теснота расположения гробов у Покровской церкви — они лежат рядом и друг на друге в 3 этажа на глубине 3-х метров, причём ниже ещё есть гробы...» [16, с. 42].

В наше время высказывалось предположение (однако недостаточно аргументированное), что возникновение этого кладбища связано с осадой Тулы Девлет-Гиреем (Девлет I Герай (Гирей); 1512—1577), крымским ханом, в 1552 году. «Можно предположить, что... данная Покровская церковь была построена над братской могилой погибших при защите Тулы» [17, с. 532].

Более вероятно, что, как и утверждал тульский историк Афремов (1794—1866), погребение всех погибших в 1552 году было осуществлено «в той части города, где наиболее свирепствовала осада», приступ же осуществлялся «с восточной стороны». Здесь «дабы воздать благодарение Господу Сил и увековечить память спасения Тулы... воздвигли мужской Предтечев монастырь в честь усекновения главы Иоанна Крестителя, 29 августа — день тезоименитства царя Иоанна Васильевича Грозного... Место это послужило вечным упокоением всем на брани убитым в роковой день 22 июня...» [18, с. 97]. «Тульские граждане» в «Челобитной» 1688 года пишут, что монастырь Иоанна Предтечи воздвигнут для того, «что прадеды и деды наши в том монастыре погребены тела их» [19, с. 51].

О том, что обнаруженное около Покровской церкви кладбище, скорее всего, было приходским, а не братским, свидетельствуют и погребальные практики русского позднего средневековья, предусматривавшие погребение тел павших воинов в так называемых скудельницах (то же, что божий дом («божедом»), убогий дом, жальник). Как правило, такая скудельница располагалась за оградой православного погоста [20, с. 31].

По всей видимости, приходским было и кладбище возле «церкви Георгия». Первоначально эта церковь располагалась за пределами Тулы, в Никольской слободе, возле истока небольшой речки Ржавец. Возникшее и функционировавшее большую часть времени как слободское, такое приходское кладбище предполагало относительную бедность захоронений, что объясняет скупость в описаниях этих вскрытых в 1930 году при проведении канализационных работ «остатков древней Тулы». Кладбище было «разрыто... по ул. Ленина, начиная от угла ул. бр. Жабровых, приблизительно 20—25 метр[ов] в сторону ул. Революции» [21, с. 63]. По письменным источникам Владимирская церковь, что на Ржавце, с Георгиевским приделом, известна с 1727 года. «Но можно думать, что здесь когда-то была церковь только во имя вмчк. Георгия. Это подтверждается тем, что Владимирская церковь в официальных актах прежде называлась больше Георгиевскою, а в народной речи никогда иначе не называлась» [4, с. 16]. Ведущая к храму улица также именовалась по названию храма Георгиевской. В 1924 году Георгиевская улица получила новое название Братьев Жабровых. Церковь была закрыта в 1930 году. В середине июня того же года ря-

дом с ней были обнаружены «гробы совершенно сгнившие, кости довольно крепкие. Черепа (до 40 шт.) взяты в рабфак, для практических занятий по биологии» [21, с. 64].

Интерес «для краеведа» представляли «древности» обнаруженные на территории фабрики «ВЗОК». Здесь ещё в 1925 году было обнаружено множество человеческих костей «частью раздробленных — без гробов — быть может, братские могилы, создавшиеся в результате «морových поветрий», опустошавших средневековые города» [16, с.42]. Зимой 1929 года при закладке печи для красильни «под бетонным полом одного из фабричных корпусов на глубине 1 1/3 метров был обнаружен сводчатый кирпичный склеп и в нём два гроба, из которых один был завернут в бархат» [16, с. 42]. Позже, в августе 1930 г., недалеко от этого склепа было уже разрыто целое кладбище, которое удалось осмотреть. «Скелеты захоронены на нём частью без гробов, частью в дубовых долблёных колодах» [16, с. 42]. Здесь же «попутно обнаружились весьма ценные для археолога остатки какой-то древней постройки... сводчатый, полузасыпанный вход из кирпича, покрытого глазурью... можно предполагать наличие какого-то старинного подземного помещения (возм[ожно] склепа)... Древность его с уверенностью можно определить не менее 200 — 300 лет...» [16, с. 43].

Интересно, что при вскрытии одного из гробов, найденных в «сводчатом кирпичном склепе» на территории фабрики «ВЗОК» зимой 1929 года, в нём «помимо скелета» был «обнаружен вышитый золотом на материи крест (по описанию староверческий)...» [16, с. 42]. Это говорит в пользу древности захоронения — по всей видимости, оно было сделано действительно «ранее 1629 года». Присутствие старообрядческих погребений в центре Тулы маловероятно, однако до реформирования Церкви патриархом Никоном в 1650—1660 годы «старой веры» ещё не было в принципе, и все погребённые до середины XVII века были просто православными, хотя сопутствующие погребению кресты и могли выглядеть «староверческими».

«Моровое поветрие» быть может, действительно сыграло роль в формировании этого кладбища — братские могилы на Руси, как правило, возникали только в случае войн или эпидемий. В «лето от сотворения мира 7165 года, от Рождества Христова 1654» такое моровое поветрие сильно «умножилось» в центральных областях России. Царю Алексею Михайловичу, временно отсутствовавшему в столице, из Москвы писали «а церкви, Государь, соборныя и приходские мало не все стоят без пения... священников осталась малая... часть... И православные христиане помирают без священников, и мёртвые телеса в городе и за городом лежат... а в убогие дома возить мёртвых и ямы копать некому» [22.

с. 618]. Под «морovým поветрием» сегодня понимают чуму. В этом же 1654 году пострадала от чумы и Тула. Эпидемия вспыхнула в августе и прекратилась в январе следующего года, хотя «помирали с января и без язв». Всего в Туле умерло «всяких чинов людей мужеска и женска полу 1808 человек» [Потапов Л.А., Енишерлов М.В. Проект зон охраны г. Тулы... Л. 77]. Во время эпидемии чумы, охватившей Москву в 1656 г. [возможно 1654 г.] умерших хоронили в ямах при церквях и за заборами церковных кладбищ — «да за тем забором, что ныне огорожено кладбище, в моровое поветрие кладены умершие...» [23, с. 148]. Именно после этого морового поветрия начинают закрывать или расширять старые приходские кладбища — также в это время говорится о необходимости увеличения территории кладбища при Успенском храме Тульского кремля.

Фабрика «ВЗОК» до наших дней не сохранилась. Тем не менее, можно установить её местоположение. Тульское отделение акционерного общества «Всероссийское заготовительное объединение коммунальных хозяйств (ВЗОК)» в 1920-е годы размещалось по адресу улица Советская, 49 (Вся Тула и Тульская губерния... С. 96).

Современная нумерация домов по улице Советской позволяет предполагать, что исчезнувшее здание под номером 49 находилось восточнее Монастырского переулка (продолжавшего Бухоновский), в районе некогда существовавшего монастырского квартала. С учётом нумерации домов, равно как и богатства обнаруженных захоронений «на территории фабрики «ВЗОК», описанное выше «древнее кладбище» вероятнее всего относилось к Успенскому женскому монастырю.

Это кладбище входило в число городских и наряду с церковными приходскими было значимой частью прежней Тулы. Здесь, как и на других монастырских некрополях, могли быть наиболее богатые захоронения и соответственно — памятники. Именно благодаря распространению белокаменных надгробий в конце XV — первой четверти XVI вв. появляется возможность фиксировать более определенно следы некрополей при приходских храмах [23, с. 143]. Такие белокаменные надгробия являющиеся примерами малой архитектурной формы были широко представлены, прежде всего, на кладбищах монастырей.

На кладбище тульского Успенского монастыря, существовавшего, по меньшей мере, с середины XVII века, погребались не только его насельницы, но многие жители Тулы и ее окрестностей. В полном соответствии с традицией и в новое время самими почётными были захоронения, сделанные в храме. Так, в нижнем этаже Преображенского храма находилась могила бывшего Тульского гражданского губернатора А.И. Лопухина (1738—1817), под чьим надзором строились Успенский собор и каменная ограда с колокольней

девичьего монастыря. Бронзовая доска, выполняя основную функцию надгробного памятника, сообщала: «Здесь покоится прах Тайного советника Андрея Ивановича Лопухина. Родился 1738 года октября 2 дня, представился 1817 года октября 19 дня. Жития его было 79 лет и 17 дней» [24, с. 190]. Отдельные «тяжёлые и дорогие памятники» теснились вокруг Успенского храма, кладбищем обители было «всё пространство площади, не занятой церковными строениями и кельями сестёр» [24, с. 192]. Памятники окаймляли всю внешнюю сторону алтаря, один из них, «грубо обделанный в виде засохшего дерева, срезанного более половины, с обрубленными сучьями (называемый... столетний дуб) скрывает прах кавалерственной дамы, игуменьи Амфии, урождённой княгини Козловской, проживавшей здесь на покое» [24, с. 193]. Несколько надгробий были перемещены к храму со своих мест, из отдалённых могил с надгробным памятником оставалась только одна в маленьком саду, назначенном для прогулки воспитанниц приюта. «Эта... могила Евдокии Ивановны Крюковой» [24, с. 192]. Даже после уменьшения территории монастырского некрополя и запрета хоронить в городах кладбище Успенского монастыря сохраняет значение одного из самых престижных городских кладбищ.

Так, например, здесь в августе 1865 года была погребена помещица Тульского уезда, из дворян, девица Пелагея Александровна Чебышева. Интересно, что помещица просила, «чтобы по смерти... похоронена была во вновь построенном Монастыре при Щегловской даче» преосвященнейшего Никандра, епископа Тульского и Белевского, на что жертвовала триста рублей серебром (ГАУ ТО. Ф. 3. Оп. 18. Д.6336. Л. 2).

Тульский Богородичный Пантелеимонов Щегловский мужской монастырь в основном был достроен к 1864 году, но открыт только в 1867 — возможно, именно с затянувшимся открытием связано захоронение тульской помещицы не в том монастыре, который был назван в её завещании. Тем не менее, впоследствии кладбище мужского монастыря существует и, хотя находилось оно практически за пределами Тулы, его также можно считать одним из самых дорогих и престижных городских кладбищ — здесь желают быть похоронены лица из дворян, готовые перечислить монастырю «на вечное поминовение» небольшие суммы.

Первым на погосте Щегловского монастыря был погребён Александр Никитич Добрынин (1814—1865), купец, потомственный почётный гражданин. Начиная с 1865 года, на территории монастыря погребаются ближайшие соратники храмоздателя В.И. Макарухина (Иеромонах Никандр (1801—18066); иеросхимонах Иероним (1804—1880)). Позже хоронят и других. Здесь нашли упокоение и сам храмоздатель, принявший перед смертью

схиму и имя Варсонофий (1805—1890), и архитектор и главный строитель монастыря А.Г. Бочарников (1833—1886). По свидетельству церковного писателя, тульского археолога и историка Н.И. Троицкого (1851—1920), к концу XIX века в стенах монастырского храма во имя иконы Божией Матери «Млекопитательница» существовало пять захоронений и три — вне стен, рядом с церковью [25]. Памятники и могилы некрополя Щегловского монастыря сохранялись вплоть до 1920-х годов [26, с. 326].

Уничтожение памятников и могил Успенского монастырского кладбища начинается уже в середине XIX века, «в числе уничтоженных камней был один мраморный, лежавший на могиле Грузинской Царевны, скончавшейся в Туле и похороненной в этом монастыре...» [24, с. 192]. Оставшиеся «тяжелые и дорогие памятники» во множестве теснились вокруг Успенского собора монастыря, сохраняя память от титулованной и чиновничьей знати Тульской губернии. Вплоть до начала XX столетия кладбище продолжает считаться действующим, хотя уже к концу XIX века здесь «хоронят в исключительных случаях не более 1—3 покойников в год» [27, с. 32]. Остатки этого кладбища, в том числе и некие «склепы» по свидетельствам очевидцев сохраняются, по меньшей мере, до второй половины XX века [28, с. 205].

На этом монастырском кладбище были похоронены вице-губернатор Калуги, а потом — Могилева Н.А. Ордин и его супруга. Здесь находились могилы Н.Н. Бороздиной (урожденной Философовой), княгини М.Н. Гагариной; городского головы Тулы И.А. Постникова, детей вице-губернатора Тулы С.М. Барановича и ряд других [24, с. 192].

К сожалению, сведения, о захороненных на монастырских некрополях Тулы противоречивы, а надгробия, способные пролить свет на темные места письменных источников, не сохранились даже рядом с Успенским собором бывшего девичьего монастыря. Таким образом, воздействие церковных кладбищ на современную архитектуру города можно считать минимальным — из «малых архитектурных форм» от прежних монастырских, равно как и церковных кладбищ сегодня остались разве что «врезанные в стены» храмов каменные и металлические доски — «плитки-таблицы» или «таблички-надгробия».

В большей степени прослеживается влияние церковных кладбищ на пространственную структуру города. Церкви и околоцерковное пространство долго учитывались в городском строительстве. К началу XX века в Туле «насчитывалось 35 улиц и переулков... связанных с названиями церквей и монастырей» [29, с. 279]. Сегодня в городе есть Благовещенская улица, ведущая к храму во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Мы также можем говорить, что в целом размер приходского кладбища соответствовал

размерам церковного двора. Это и сегодня находит своё отображение в городской застройке. Выше мы отмечали, что на конец XVII столетия площадь участка с кладбищем при этой церкви составляла около 1 590 квадратных метров. С учётом всех погрешностей, можно прийти к выводу, что современный церковный двор Благовещенской церкви (приблизительно 30 на 50 метров (1 500 квадратных метров) занимает территорию прежнего церковного кладбища.

Переставшие использоваться по назначению церковные приходские кладбища влияли на городскую застройку и в XVIII и в XIX веках. «На плане застройки Заречья 1740 г. ... показан расположенный к востоку и северу от Никольской церкви свободный от застройки участок неизвестного назначения. На плане 1740 г. он имеет размер 16 на 27 саж[еней] (35 на 58 м)... [то есть примерно 2 030 квадратных метров]. Единственным типом объекта близ приходской церкви в позднесредневековом городе, существование которого (объекта) исключало возможность оперативной застройки и хозяйственного использования земли под ним, было церковное кладбище» [30, с. 298, 299]. На планах XIX века на месте внешнего кладбища Николо-Зарецкой церкви сохраняется внутриквартальная площадь, в середине столетия носившая название Никольской [30, с. 301].

Закрытые приходские кладбища исчезают далеко не сразу. «Надо полагать, что приходские кладбища... свёртывались постепенно — всё то время пока не хватало общегородских. Функционирование кладбищ при приходских церквях окончательно прекратилось лишь после эпидемии чумы 1771 года, когда специальные указы... запретили погребать мёртвые тела в черте города...» [30, с. 299].

Но, вероятно, и после «специальных указов» городские приходские кладбища ещё какое-то время сохранялись и даже, возможно, использовались для погребения. Во всяком случае, сельские приходские кладбища в Тульской губернии сохраняются до начала XX столетия и в отдельных случаях на них по-прежнему осуществляются захоронения. К этому времени некоторые сельские приходы имели уже два, а то и три кладбища, но наиболее желательным для погребения считалось расположенное непосредственно рядом с церковью, хотя почти все такие погосты формально считались закрытыми. Закон Российской империи гласил: «Для кладбищ городских отводятся места за городом, на выгонной земле, в местах удобных, расстоянием от последнего городского жилья не менее ста сажень... Кладбищ среди селений не иметь, но учреждать оные позади, не ближе полуверсты от них...» (Об устройстве кладбищ...). Любые исключения требовали особого разрешения.

Без разрешения епархиального начальства на таком кладбище «среди селения» осуществляет захоронения причт одной из церквей в Новосильском уезде в 1905 году. Основанием послужил пример предыдущих церковнослужителей, «которыми и в прежние годы неоднократно хоронились лица в церковной ограде без надлежащего на то разрешения от начальства». Более того, в ходе разбирательства выяснилось, что сама церковная ограда была «устроена специально на собственные средства прихожан» и стоила им не меньше десяти тысяч рублей. Прихожане Вознесенской церкви села Нижняя Пшевь «с тем и строили оную ограду... чтобы причт наличный и будущий обязательно... похоронил в одной по домохозяину каждого двора прихода...» (ГАУТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 6652. Л. 54, 54 об.). Желание этих прихожан кажется достаточно типическим.

Так, в годы первой русской революции, землевладелица Новосильского уезда Александра Лукинична Герасимова желает, чтобы «чтобы тело моё местный причт похоронил при церкви в ограде, где похоронены все мои родственники» (ГАУ ТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 4914. Л. 10). Наличие семейных захоронений рядом с храмом и пожертвование в сто рублей часто оказывались главным условием для погребения прихожан в ограде той или иной церкви. В Одоевском уезде «в семейной могиле в церковной ограде» последний приют находит храмостроитель, «постоянный попечитель и благотворитель приходского храма» статский советник Владимир Вячеславович Лихарёв (ГАУ ТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 4914. Л. 42). После долгой переписки с Тульской духовной консисторией добивается почётного права быть похороненным «в церковной ограде Николаевской церкви села Серебряных прудов Венёвского уезда» учёный управитель Иван Жуков. У старика, живущего на частную пенсию графа Шереметьева, не хватало денег на взнос в Епархиальное попечительство, однако настойчивость взяла своё и окончательная резолюция владыки Лаврентия (Некрасова) (1836—1908) гласила: «Бог с ним... похоронить в ограде, если Господь удостоит его Хр[истианской] кончины» (ГАУ ТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 4914. Л. 120).

Во всех случаях речь шла об исключениях, требовавших решения Епархиального начальства, однако показательно желание обеспечить погребение именно в ограде храма, а если позволяли возможности — то и в самой церкви. Так, после обращения лично к архиепископу Тульскому и Белевскому, преосвященнейшему Лаврентию было разрешено обустроить семейное захоронение под только что построенной церковью баронессе О.А. Боде (1856—1940). Баронесса желала похоронить в каменном склепе под церковью своего мужа, почетного мирового судью Крапивенского уезда С.Л. Боде (1851—1901) и оставить место для себя и деверя. «Вследствие прошения попечительницы Юрьевской

церковно-приходской школы Крапивенского уезда, Баронессы Ольги Андреевны Боден по определению Епархиального начальства... разрешено ей устроить под средней частью церкви-школы в сельце Юрьево... склеп на три места» (ГАУ ТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 4914. Л. 84).

Многие сельские погосты впоследствии оказались в черте города. Более важно, что в городах в полной мере сохраняются представленные в сельской среде традиции и обычаи. Используя как пример желание устроить захоронение «в церковной ограде» или «в каменном склепе под церковью» мы можем говорить о том, что погребальные практики и в XX веке сохраняют преемственность с родственными традициями позднего средневековья.

Погребально-поминальная обрядность — одна из самых консервативных в традиционной культуре. Эта обрядность, точнее различные обычаи, связанные с кладбищами, оказывает влияние на повседневность Тулы даже после исчезновения городских приходских кладбищ. Её отголоски находят отображение в записях первых исследователей русского фольклора, она по-прежнему проявляется на новых, вынесенных в конце XVIII века за черту города кладбищах.

Так, например традиционное представление о «чистых» и «нечистых» покойниках сохраняется в Тульской губернии, по меньшей мере, до середины XIX века. «Земля колдунов по смерти их не принимает, а потому по ночам они выходят из могил и бродят в саванах своих по кладбищу. Ходят также и домой... в таком случае, говорят, надобно покойника раскопать, положить его ничком и сверх могилы вбить до самого домовища осиновый кол, и тогда колдун выходить больше не будет» [31].

Сохраняются и описанные ещё Олеарием (Adam Olearius; 1599—1671) обычаи помянуть сродников непосредственно на могилах [32, с. 291]. «В родительские субботы крестьяне, приходя на кладбища и разстилая на могилах своих родных столечники, ставят тут водку, брагу, блины, пироги, кутью или мёд, яйца, драчену, курицу и часть ветчины, у кого что есть, по отслужении панихиды часть из этих припасов берётся причтом, часть употребляется на поминовение, а остатки раздаются нищим» [31].

Тот же обычай отмечается в начале XX века уже на Спасском кладбище города Тулы. «У кого здесь похоронены родные, те стараются отслужить панихиду. После которой расстилают на могиле салфетку или платочек и закусывают, а мужчины выпивают. После закуски народ гуляет и разговаривает всякий о своём» (ГАУ ТО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 25. Л. 136). Интересно, что этот способ поминовения родных в последнем случае входил составной частью в так называемый «Горский праздник».

«Горский праздник бывает на 3-й Нерукотворный Спас. Всякий старается шить себе новое платье, собираясь за целый месяц до праздника. Накануне праздника вечером все идут ко всеобщей, ближе к церкви сидят торговцы и торговки которые с зажжёнными фонарями продают подсолнухи, мак, орехи, пряники, яблоки, груши, пирожное, виноград, конфеты, сливы и сахарное мороженное. В церкви и на кладбище бывает очень много народа, который гуляет до 10 ч. вечера, торговки остаются на том же месте ночевать. На другой день, то есть на праздник народ идёт к обедне в кладбищенскую церковь, когда отойдёт обедня, все дожидаются крестного хода. Когда ход обойдёт кругом церкви... народ расходится по кладбищу на дороге сидят торговцы и торговки с тем же товаром...» (ГАУ ТО. Ф. 151. Оп.1. Д. 25. Л. 134—136).

Во время этого же «горского праздника» непосредственно на кладбище осуществляется свадебный обряд. «Молодые люди остаются и ходят по дорожке кавалеры по одну сторону, а по другую сторону девушки разговаривают, шутят, смеются, а на другой день присылают свахусватаются жених с невестой, с этого дня случается свадьба» (ГАУ ТО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 25. Л. 136). Фактически здесь мы видим краткое описание так называемой «Горской выставки невест», о которой сообщал «Русский филологический вестник» ещё в 1880 году. В соответствии с этим сообщением «Горская выставка невест» в Туле обычно бывает 16 августа, у Спасской кладбищенской церкви. «Горскою эта выставка называется потому, что Спасская церковь находится на возвышенном месте, как и вся местность, окружающая ее» [33, с. 288]. Описание данной «выставки невест» напоминает происходящее во время «Горского праздника», это позволяет предположить, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же обычаем. В соответствии с описанием, после литургии, которую почти всегда служит местный Преосвященный, близ церкви в огромном количестве собирается молодежь — молодые парни и девушки — и располагается «в известном порядке».

«У самой церкви и немного в отдалении от нее стоят в стройном порядке девушки в два ряда, а посередине между этими рядами прогуливаются молодые парни и смотрят на стоящих девиц. Почти каждый при этом выбирает себе невесту, которую наметил для себя еще прежде, берет ее под руку начинает с нею гулять, оставаясь по-прежнему в рядах мужчин; в это время он делает ей окончательное предложение, от которого та, конечно, не отказывается, так как условия на этот счет бываю заключены за много времени вперед. Мало-помалу ряды выставленных невест начинают редеть, и уже образуется один длинный, сплошной ряд, в котором гуляют попарно молодые люди и девицы и ведут между

собой довольно оживленный разговор о разных предметах, касающихся более всего их взаимной любви и симпатии... Такое гуляние продолжается вплоть до самого вечера. При этом на кладбище происходит нечто вроде ярмарки, где продаются разные разности. В этот день вся Тула считает долгом посетить кладбище и погулять там...» [33, с. 288, 289].

Таким образом, простое сопоставление позволяет говорить о проведении свадебного обряда на территории одного из тульских городских кладбищ на протяжении как минимум тридцати лет. Однако, вероятно, «горский праздник» имеет ещё более длительную историю. Здесь обращает на себя внимание время празднования.

16 августа (по старому стилю) — в народном календаре это Третий Спас (или «3-й Нерукотворный Спас»), Хлебный Спас, а в церковном — Перенесение Нерукотворного образа Господа Иисуса Христа. Именно этого дня в городах начинались массовые гулянья.

По всей видимости, сам по себе тульский «Горский праздник» не был напрямую связан ни собственно со свадебной обрядностью, ни с погребально-поминальными обычаями. И торговля «разными разностями», и массовые гулянья и «ярмарка невест» проходили на кладбище по одной простой причине — такова была давняя традиция. В русском средневековом городе не было самостоятельных площадей. Как и в средневековом западноевропейском соборном дворе, здесь строилось в первую очередь здание, и в интересах здания оставлялось вокруг незастроенное пространство [13, с. 118]. Проще сказать, до нового времени в русских городах единственной свободной площадью для проведения того или иного праздника был церковный двор — практически всегда использовавшийся как кладбище. Именно здесь проходил, прежде всего, «престольный праздник» — празднование дня памяти святого (или события), в честь которого сооружен храм (престол). «Престольный день» в Туле был тем «разгульным праздником», с которым учреждения культуры боролись ещё в 1970-е годы, пытаясь установить вместо него «традиционные» праздники улиц (ГАУ ТО. Ф. Р-3496. Оп. 1. Д. 405. Л. 1).

Нечто подобное «Горскому празднику» могло происходить и на других погостах. «Комиссия по благоустройству Всесвятского кладбища» в 1901 году с грустью сообщала: «В прежнее время свободно допускалась торговля пряниками, орехами, квасом и т. п. внутри кладбища, особенно в большие праздники...» (ГАУ ТО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 21937. Л. 41 об.). Интересно, что тульский врач, основатель городской больницы и санитарной комиссии, В.И. Смилович (1835—1894) упоминает и «обычай ярмарки невест», который «в прежнее времена» существовал в Туле «в довольно больших размерах, преимущественно в известные дни храмовых праздников; так, например, в День Всех Святых у Все-

святской на кладбище...» [27, с. 56]. Непременной частью праздника Всех Святых был также крестный ход, устроенный на храмовый праздник в 1788 г., по прошению «Тульских первостатейных купцов... как в некоторых здешних церкви бывает» [11, с. 415]. Следует учитывать, что «престольные дни» приходились на различные даты народного календаря и могли сопровождаться разными обычаями. Некоторые такие обычаи могли даже повлиять на название храма. Известно, что первоначально строившаяся во имя Сошествия Святого Духа церковь на кладбище в Чулковской слободе была освящена во имя Великомученика Димитрия Солунского — вероятно правящему архиерею обычаи в праздник на «Духов день» показались слишком «разгульными» для кладбища [11, с. 420]. Здесь кажется существенным, что все эти традиционные «большие праздники» одинаково могли осуществляться на погосте. Мы можем видеть в этом отголосок того времени, когда церковные приходские кладбища органично входили в структуру города и его повседневной жизни.

Церковные приходские кладбища Тулы даже после своего исчезновения остаются «своеобразной и очень ценной частью» города. Их следы проявляются в архитектуре, где даже скромные с художественной точки зрения «плитки-таблицы» позволяют лучше представить средневековые церкви, дополняют наши представления об исторических реалиях прошлого. Образуя внутриквартальные площади и церковные дворы, приходские кладбища и сегодня продолжают влиять на городской ландшафт. Еще более заметно их воздействие на культуру повседневности. Многие обряды и обычаи, формировавшиеся и осуществлявшиеся под стенами приходских церквей, неизбежно связывались с кладбищами. И через сто лет после вынесения кладбищ за город не казалось странным проводить на погосте свадебный обряд, а ещё спустя сто лет даже на кладбищах, не имеющих никаких храмов, где можно было бы отслужить панихиду, на могилках «закусывают, а мужчины выпивают». Понимание обрядов русского погребально-поминального комплекса следует явно расширить. Традиционно на кладбищах не только погребали и поминали, но и проводили «большие праздники». Кладбища, на которых проводят «горские ярмарки невест», или куда просто приходят «девушки с милыми», — это уже не вынесенное за скобки суестьи повседневности огороженное пространство, но особая часть единого пространства городской жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Потапов Л.А., Енишерлов М.В. Проект зон охраны г. Тулы: историческая записка [машинопись]. Тула, 1990.

2. Вся Тула и Тульская губерния: справочная книга / сост. И.И. Лапо, А.М. Шишков; ред. А.М. Рассаднев. Тула, 1925.
3. ГАУ ТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 6336. Дело о погребении Девы Пелагеи Александровны Чебышевой при Тульском женском монастыре. 31 августа 1865 года — 3 сентября 1865 года.
4. ГАУ ТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 6652. Дело об отказе в погребении умерших на старых закрытых кладбищах. 27 февраля 1906 года — 25 января 1907 г.
5. ГАУ ТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 4914. Дело о получении разрешения разными лицами на захоронении их после смерти в церковных оградах. 27.01.1905 г. — 13.05.1906 г.
6. ГАУ ТО. Ф. 151. Оп. 1. Д. 25. 1695—1913. Троицкий Николай Иванович, заведующий Тульской палатой древностей, историк, краевед. Черновые материалы по этнографии Тульского края.
7. ГАУ ТО. Ф. Р-3496. Оп. 1. Д. 405. Материалы о работе учреждений культуры по пропаганде и внедрению советских праздников и ритуалов [1972].
8. ГАУ ТО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 21937. Дело об обустройстве Всесвятского кладбища [1900—1910].
9. Об устройстве кладбищ // Свод законов Российской империи. Т. 13. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении, и врачебные. Гл. 5. Полицейские правила о погребении мёртвых. СПб., 1857. С. 158—159.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кабак А. В., Пирютко Ю.М. История Петербургского некрополя // Кабак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 2009. С. 20—75.
2. Варенов А.Б. К вопросу о первоначальной застройке и благоустройстве Тульского Кремля (по материалам раскопок 1979—1980 гг.) // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. IV. М., 2001.
3. Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI веков. М., 2004.
4. Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 2010.
5. Сытина Т.М. Недвижимые памятники истории и культуры и окружающая среда // Вопросы охраны реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1978.

6. Анциферов Н.П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926.
7. Лозинский Р.Р., протоиерей. Страницы минувшего. Тула, 1994.
8. Руднев М., протоиерей. Тульский Успенский кафедральный собор (Из Тульских Епархиальных Ведомостей 1866-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 1—30.
9. Андреев Н.Ф. Тульский Успенский кафедральный собор // Тульские губернские ведомости. 1854. № 9 [Отдел второй. Часть неофициальная].
10. Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996.
11. Иванов А., протоиерей. Тульские кладбищенские церкви (Из Тульских Губернских ведомостей 1859-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 412—422.
12. Дзиговская Л.Н. Табличка-надгробие внутри храмов Тулы // Столица и провинция в Отечественной и Всемирной истории: Материалы Всероссийской науч. конф., посвящён. 100-летию со дня рождения В.Н. Ашуркова: в 2-х т. Т. 2. Тула, 2004.
13. Бархин Ю. Б. Модификация целостности города в историческом развитии // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1978.
14. Иванов А., протоиерей. Тульская Благовещенская церковь (Из Тульских Епархиальных Ведомостей 1862-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 236—251.
15. Романов А., протоиерей. Тульская Покровская церковь (Из Тульских Епархиальных ведомостей 1862-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 252—269.
16. Доррер Г. Остатки древней Тулы, обнаруженные за последние годы // Тульский краеведческий сборник. Тула, 1930.
17. Тула. Материалы для истории города. А.Н. Лепёхин. [Составитель А.Н. Лепёхин]. Тула, 2014.
18. Афремов И.Ф. История Тульского края (историческое обозрение Тульской губернии). Тула, 2002.
19. Троицкий Н. Церковь похвалы Пресвятыя Богородицы, что на архиерейском дворе // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 50—56.

20. Булычёв А.А. Куликово поле: живые и мёртвые. Тула, 2014.
21. Остатки Древней Тулы // Тульский край. Тула, 1930. № 3 (18).
22. Шафонский А. Описание Моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений. СПб., 1787.
23. Шокарев С.Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV—XVII вв.) // Культура памяти. Сб. науч. статей. М., 2003.
24. Андреев Н. Успенский женский монастырь (Из Тульских Губернских Ведомостей 1852-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 186—203.
25. Троицкий Н.И. Богородичный общежительный мужской монастырь, что в Щеглове: ист. очерк. Тула, 1896.
26. Камоликов А.А. Щегловская обитель//Тени старинного кладбища — Тульские некрополи. Тула, 2015. С. 325—327.
27. Материалы для описания г. Тулы. Санитарный и экономический очерк В. Смидовича. Тула, 1880.
28. Князева Л. Кузнецовы. Тула, 2016.
29. Майоров М.В., Майорова Т.В. Энциклопедия тульских городских названий. Тула, 2010.
30. Юркин И.Н. Некрополь Николо-Зарецкой (Демидовской) церкви // Тени старинного кладбища — Тульские некрополи. Тула, 2015. С. 297—324.
31. Тульские губернские ведомости. 1861. № 42 [Отдел второй. Часть неофициальная].
32. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию // Россия XVI—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
33. Некоторые обычаи, поверья, песни и образцы народной речи Тульской губернии. Записал В.И. Благовещенский // Русский филологический вестник. Учёный журнал. Т. 3. Варшава, 1880.

REFERENCES

1. Kabak A. V., Pirjutko JU.M. Istorija Peterburgskogo nekropolja // Kabak A.V., Pirjutko JU.M. Istoricheskie kladbishha Sankt-Peterburga. M., 2009. S. 20—75.

2. Varenov A.B. К вопросу о первоначальной застройке и благоустройстве Тульского Кремля (по материалам раскопок 1979—1980 гг.) // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. IV. М., 2001.
3. Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI—XVI веков. М., 2004.
4. Приходы и церкви Тульской епархии: извлечение из церковно-приходских летописей. Тула, 2010.
5. Сытина Т.М. Недвижимые памятники истории и культуры и окружающая среда // Вопросы охраны реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1978.
6. Ациферов Н.П. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926.
7. Лозинский Р.Р., протоиерей. Страницы минувшего. Тула, 1994.
8. Руднев М., протоиерей. Тульский Успенский кафедральный собор (Из Тульских Епархиальных Ведомостей 1866-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 1—30.
9. Андреев Н.Ф. Тульский Успенский кафедральный собор // Тульские губернские ведомости. 1854. № 9 [Отдел второй. Часть неофициальная].
10. Белжаев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996.
11. Иванов А., протоиерей. Тульские кладбищенские церкви (Из Тульских Губернских ведомостей 1859-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 412—422.
12. Дзиговская Л.Н. Табличка-надгробие внутри храмов Тулы // Столица и провинция в Отечественной и Всемирной истории: Материалы Всероссийской науч. конф., по-святых 100-летию со дня рождения В.Н. Ашуркова: в 2-х т. Т. 2. Тула, 2004.
13. Бархин Ю. Б. Модификация целостности города в историческом развитии // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. М., 1978.
14. Иванов А., протоиерей. Тульская Благовещенская церковь (Из Тульских Епархиальных Ведомостей 1862-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 236—251.
15. Романов А., протоиерей. Тульская Покровская церковь (Из Тульских Епархиальных Ведомостей 1862-го года) // Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание. Тула, 1888. С. 252—269.

16. Dorrer G. Ostatki drevnej Tuly, obnaruzhennye za poslednie gody // Tul'skij kraevedcheskij sbornik. Tula, 1930.
17. Tula. Materialy dlja istorii goroda. A.N. Lepjohin. [Sostavitel' A.N. Lepjo-hin]. Tula, 2014.
18. Afremov I.F. Istorija Tul'skogo kraja (istoricheskoe obozrenie Tul'skoj gu-bernii). Tu-la, 2002.
19. Troickij N. Cerkov' pohvaly Presvjatyja Bogorodicy, chto na arhierejskom dvore // Svjatye hramy goroda Tuly. Istoriko-statisticheskoe opisanie. Tula, 1888. S. 50—56.
20. Bulychjov A.A. Kulikovo pole: zhivye i mjortvye. Tula, 2014.
21. Ostatki Drevnej Tuly // Tul'skij kraj. Tula, 1930. № 3 (18).
22. SHafonskij A. Opisanie Morovoj jazvy, byvshej v stolichnom gorode Moskve s 1770 po 1772 god, s prilozheniem vseh dlja prekrashhenija onoj togda ustanovlennyh uchre-zhdenij. SPb., 1787.
23. SHokarev S.JU. Russkij srednevekovyj nekropol': obrjady, predstavlenija, po-svednevnost' (na materialah Moskvy XIV—XVII vv.) // Kul'tura pamjati. Sb. nauch. sta-tej. M., 2003.
24. Andreev N. Uspenskij zhenskij monastyr' (Iz Tul'skih Gubernskih Vedomo-stej 1852-go goda) // Svjatye hramy goroda Tuly. Istoriko-statisticheskoe opisanie. Tu-la, 1888. S. 186—203.
25. Troickij N.I. Bogorodichnyj obshhezhitel'nyj muzhskoj monastyr', chto v SHHeg-love: ist. ocherk. Tula, 1896.
26. Kamolikov A.A. SHHeglovskaja obitel'//Teni starinnogo kladbishha — Tul'skie nekropoli. Tula, 2015. C. 325—327.
27. Materialy dlja opisanija g. Tuly. Sanitarnyj i jekonomicheskij ocherk V. Smi-dovicha. Tula, 1880.
28. Knjazeva L. Kuznecovy. Tula, 2016.
29. Majorov M.V., Majorova T.V. JEnciklopedija tul'skih gorodskih nazvanij. Tu-la, 2010.
30. JURkin I.N. Nekropol' Nikolo-Zareckoj (Demidovskoj) cerkvi // Teni sta-rinnogo kladbishha — Tul'skie nekropoli. Tula, 2015. C. 297—324.
31. Tul'skie gubernskie vedomosti. 1861. № 42 [Otdel vtoroj. CHast' neoficial'-naja].
32. Olearij Adam. Opisanie puteshestvija v Moskoviju // Rossija XVI—XVII vv. glazami inostrancev. L., 1986.

33. Nekotorye obychai, pover'ja, pesni i obrazcy narodnoj rechi Tul'skoj guber-nii. Zapisal V.I. Blagoveshhenskij // Russkij filologicheskij vestnik. Uchjonyj zhurnal. T. 3. Varshava, 1880.

Рецензенты:

Кузнецова Е.И., докт. ист. наук, профессор Тульского государственного ун-та;

Понарин П.В., канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Тульского филиала Международного юридического ин-та.